

Натиг Расулзаде

ЛОВУШКА

Натиг Расулзаде

Ловушка

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Ловушка / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

Это повесть о немолодом, талантливом и добросовестном профессиональном журналисте, который в стае нахальных проныр и рвачей репортеров сам себе кажется белой вороной. У него семья, жена, две дочери, он много работает, часто занимается рутинной, от которой отказываются молодые честолюбцы; ради семьи он не гнушается никакой работы. И вот он влюбляется... влюбляется в молодую крутую женщину-бизнесмена, в которой сосредоточены все черты, которые он ненавидит в современной деловой, прагматически мыслящей молодежи, влюбляется в девушку, играющую в опасные игры и вовлекшую его тоже в эти свои игры.

© Расулзаде Н.

© PEN-клуб

Натиг Расулзаде

Ловушка

Однажды утром, бодро шагая по любимой улице своего любимого города, Гасанов вдруг обнаружил в низу живота, справа, возле яичек, опухоль, которая дала себя обнаружить сама, вследствие резкой неожиданной боли. С этой минуты жизнь Гасанова покатилась, как говорится, под откос. Как физическая, так и духовная. Впоследствии выяснилось, что опухоль была самой прозаической грыжей, причем в самой начальной стадии и опасность для жизни представляла примерно такую же, как флюс от воспаленного зуба. Но надо отметить, что Гасанов за свои пятьдесят лет не жаловался на здоровье, к врачам обращался в случае крайней необходимости (преимущественно для получения бюллетеня), врачей недолюбливал, как специалистов по ускорению хода болезней, и старался вести здоровый образ жизни. Что ему до сих пор, в основном; и удавалось. Теперь же, придя к хирургу по поводу своей свежесобранной грыжи, Гасанов (когда, грациозный, худенький, как балерина на пенсии, хирург ошеломляюще мощными при такой хрупкой внешности руками мял и ломал его, будто задавшись целью сейчас же выхватить и выбросить из него грыжу) понял, что так легко он не отделается. И попал, что называется, в точку. Заодно с грыжей у него обнаружили аденому и воспаление простаты, камень в почке, тахикардию и злокачественную шепелявость, грозящую дать метастазы в костноязычность, что, кстати, уже отчасти наблюдалось у молчаливого по натуре Гасанова.

Было, конечно, у Гасанова и имя. Но жена, считая его самым заурядным, рядовым членом общества, издавна называла его по самой заурядной фамилии, такой заурядной, что даже тень на нее трудно было бы бросить. А имя у Гасанова как раз таки было не рядовое, а самое что ни на есть выдающееся – Аристотель, что на азербайджанском звучало, как Аристун, Аристун Гасанов. У русских это примерно, как Аристотель Иванов, у украинцев – Аристотель Сидоренко, ну, и так далее...

Гасанов, придя домой от врачей, посылавших его друг к другу, понял: та жизнь, что вел он до сих пор, кончилась, и теперь, после пятидесяти, ему придется начинать новую, полную забот о своем здоровье, лекарств, которые непременно надо принимать до или непременно после, полную советов людей в белых халатах, прячущих под этими белыми халатами совершенно немислимую, непостижимую для Гасанова душу, мысли, сердце и остальные органы, как предполагалось, крепко связанные с сердцем, а значит, и с душой.

Ему не хотелось начинать новую жизнь, он привык, притерся к старой, да и лет уже было немало, он за эти годы, можно сказать, полюбил старую свою жизнь, свои привычки, свой невыносимый для окружающих характер, свою молчаливость, внезапно взрывающуюся идиотской, непрактичной говорливостью, много чего полюбил Гасанов, много чего...

Не хотелось теперь, на пороге старости, менять свою жизнь. Шел 2001 год, страна, в которой жил Гасанов, его, так сказать, родина погрязла в коррупции, утопала во взяточничестве, жила уродливо, ни по человеческим, ни по божеским законам. И в ней, как мог, жил Аристун Гасанов.

Не стоило обо всем этом рассказывать, если бы в жизни пятидесятилетнего Гасанова не произошло большое событие. Огромное событие. Может, самое значительное за всю его тихо распланированную жизнь. Он влюбился.

Нет, конечно, за столь долгий, как говорят эки, срок, случалось с ним такое не раз. Он хорошо помнил, как любил свою одноклассницу в 6-7-8-м классах, потом любовь его угасла, ничем не подпитываемая с другой стороны, но тут же следом за первой любовью последовала вторая, уже в 9-10-х классах. И так на протяжении юности и молодости было несколько раз, но все эти влюбленности напоминали одна другую, все были безответны. Поклон не встретил свою будущую жену. Впоследствии оказалось, что он заблуждался на ее счет, и его чувство

к ней тоже было односторонним. Так что, какой-то опыт по части влюбленности все ж таки имелся, хоть и ущербный. Но теперь, когда пятьдесят... Денег хронически не водилось, потому что за зря потраченные годы (в материальном понимании) способности зарабатывать как-то не приобрелось. Зато было большое, доброе, отзывчивое, любвеобильное сердце. И это обстоятельство, как ни трудно поверить, как-то компенсировало кредитную недостачу. Как? Вот пример. Помнится, в молодости, когда был влюблен в очередной раз, Гасанов, как всегда, испытывая грызущее его безденежье, стал изучать по справочникам и в итоге один, без посторонней помощи, сделал капитальный ремонт в квартире у своей любимой. Даже научился паркет прибивать. Девочка-мальчик, девочка-мальчик. Это паркет так настиляется. Для осведомленных. Выступ одной паркетины входит в паз другой. Девочка-мальчик. И неплохо справлялся. Даже был удостоен похвалы хозяйшки, которая за несколько лет закупить-то закупила необходимых материалов, копимых на вожделенный не очень ей доступный ремонт, а вот на мастеров – цены кусались. Тут как раз очень кстати подвернулся безденежный, но очень влюбленный приятель, которого как-то надо было использовать, тем более, что сам напрашивался... Но было это в молодости, давно, когда еще не было семьи, жены и двух девочек, когда легко и беззаботно проводил он свои дни, когда все было под силу и все удавалось. В благодарность за ремонт любимая оставляла его на ночь в ремонтируемой квартире, сама же каждый вечер отправлялась к родителям, чтобы он в одиночестве мог вволю надышаться тем воздухом, которым... прикоснуться к тем предметам, к которым... трогать те вещи, которые... Впрочем, не следует думать, что был он каким-то оторванным от жизни, мечтательным юношей, нет, просто влюбляясь, он начинал боготворить предмет своего обожания. Что было вполне резонно, логично и говорило о богатом духовном мире и темпераменте его. Нет, он не был оторван от жизни. В кармане куртки Гасанов постоянно носил кастет, потому что руки имел тонкие, артистические и изнеженные, а на рожон лез, не упуская случая. В другом нагрудном кармане у него находились документы, удостоверяющие, что он работает в нескольких редакциях газет, благо, газет в его городе на душу населения было больше, чем вшей у бомжей, которые тоже поваздились и стали легальными именно в последние годы в его родном городе. Гасанов, получив желаемое и очень неплохое образование, с младых лет работал в газете, но в то время, время молодости Гасанова, в городе газет было раз-два и обчелся и работать в какой-то из них было почетно, но не интересно; сейчас стало наоборот – интересно, но не почетно. Интересно, потому что ликвидирована была цензура, писать можно обо всем, не было прежнего табу, запретных тем; но не почетно, потому что хоть пиши, хоть не пиши – чихать хотели на твою писанину. Мир оставался таким же, как Гасанов ни старался его переделать. Очень неуравновешенный, очень импульсивный и противоречивый. Вот таким он был. Не мир, конечно, а Гасанов. Но то, что лет тридцать назад воспринималось как явление положительное, теперь, учитывая возраст, становилось несолидной аномалией, не свойственной пожилым людям. Так же, как и в молодости, его раздражали мелочи, так и не устроенные прогрессом и временем (если только и то, и другое не обошли вниманием его бедную маленькую страну); шоферы, как тридцать-сорок лет назад курили в автобусах, так и продолжали курить в начале нового столетия, люди, как плевали себе под ноги в шестидесятых, так и продолжали в том же духе в 2001 году. Плевки разлетались по всему городу, так что страшно было пройти по улицам. Кучи грязи по закоулкам. По горло мусора везде, где только можно и где нельзя бросать мусор. Две-три чистые центральные улицы молчаливо приглашали гулять только по ним, что и делалось городским населением, которое таяло на глазах, просачиваясь в другие города и страны. На каждом пяточке этого изнасилованного города строились всякие бессмысленные строения. Загазованность невероятная, оставалось только удивляться, почему прохожие не падают замертво, хватаясь за горло. Хамский говор и крики повсюду. С рук, из ведер продавали все – от протухшей рыбы до дешевых носков – как во время гражданской войны на улицах Тамбова. Иностранцы очень удивлялись, но без эмоций, понимая, что это преждевременно старит. Гасанова же не раздражало, и он с чувством

ностальгии вспоминал свой город прежним – интеллигентным, интернациональным и чистым. На все он отзывался горячими статьями, выступлениями, но ничто не указывало на то, что его выступления и острые статьи дадут положительные результаты. Вот так он жил в последние годы, постепенно становясь неврастеником. Пока не влюбился.

Надо сказать, что у Гасанова был большой пенис, и платонические воздержания в молодости от сексуальной жизни, когда обожествление любимой доводило его до временной импотенции, полностью компенсировалось позднее, в далеко не молодом возрасте, приводя в изумление жену и случайных дамочек, непонятно что находящих в таком субъекте, как вышеупомянутый Гасанов.

Однажды он проходил мимо вокзала со своей старшей дочерью, восемнадцатилетней студенткой, красивой и несколько флегматичной девушкой, невольно размышляя о ее будущем. Толпа здесь была невероятная, как на хорошем митинге, машины и автобусы ехали, как хотели, тут же трамвай непрерывно трезвонил, требуя своей законной рельсовой дороги, которую загордил огромный «Икарус», тут же стоял автоинспектор и успешно копался в носу. И в этой толчее прямо на ногу Гасанову наехал маленький, блестящий «жигуленок». Прямо на ногу. Гасанов охнул.

– Папа! – в страхе закричала дочь.

Он, еще не ощущая боли, глянул на перепуганную, побледневшую дочь, просунул голову в окошко машины и сказал, еле сдерживаясь, тому приятелю за рулем:

– Что вы делаете?! Вы же на ногу мне наехали. – Вполне резонно ожидая, что тот, за рулем, извинится. Но водитель вдруг истерически закричал в лицо Гасанову:

– Не видишь, что творится?! Стал тут, как...

Дочь, перепуганная, продолжала глядеть на Гасанова, и он понял, что нельзя отпускать наглеца просто так, он навсегда упадет в глазах этой девочки, которую он безумно любил. Когда машина наехала на ногу Гасанова, никто в снующей взад-вперед толпе не обратил на это внимания, кроме самого Гасанова и его дочери; когда же Гасанов стал прямо через окно метель этого уroda по лицу, сбежалось множество народу с высунутыми языками, жадные до зрелищ. Гасанов, не обращая внимания на неопрятных, как медвежата, милиционеров и толпу, потянул дочь за рукав, и они сели в первое попавшееся такси. Дочь странновато поглядывала на него, видимо, ожидая каких-либо объяснений. И Гасанов почувствовал необходимость объясниться.

– Надо уметь постоять за себя, – сказал он, пожав плечами. – Нельзя давать себя в обиду.

Не понимая, как смешно для дочери звучат эти фразы в устах ее отца, которого она видела только мягким, тихим, покладистым. Она была поражена его поступком. Еще хорошо, он не вытащил кастет при ней.

Вот так сказал ей Гасанов, как будто только тем и занимался всю жизнь, что не давал себя в обиду. Нет, как раз наоборот. Гасанова с детства много обижали, а он редко кому мог ответить, еще и потому, что когда его обижали, на него нападало нечто вроде столбняка, и природное косноязычие развивалось в дальнейшее онемение. Будто он не ожидал обиды. Хотя не мог пожаловаться на свое незнание людей, неплохо изучил их повадки и именно вследствие своих не очень-то ободряющих познаний растерял всех друзей и приятелей.

Один из них был грузин. Они познакомились в Ялте, в Доме творчества писателей, еще в то, теперь уже кажется, далекое время единой страны, Союза. Грузин привез с собой сногшибательную в буквальном смысле чачу и называл ее не иначе, как «Огненная вода имени товарища Сталина». Они пили огненную воду, ходили и по бабам, очень подружились, и грузин все звал его погостить в Тбилиси; а ему, Гасанову, довелось поехать туда в не самые лучшие дни этого прекрасного города, в смутное время войн и конфликтов девяностых. Тогда же, в Ялте, когда никому в голову не могло прийти, что страна поползет по швам, он, конечно же, влюбился в официантку из небольшого ресторанчика. Пухлые губки, смешно, по-детски, выговаривает «ш». Все-таки пошлый у него, Гасанова, вкус. И мало надо, чтобы влюбиться.

Но выручил друг, грузин, отбил у него официантку. Сначала он обиделся, и сразу захотелось подраться, но потом остыл и понял, что скорее выиграл, чем проиграл: грузин, как оказалось в дальнейшем, отвратил от него... ну, беду, не беду, но неприятность, точно. Лечился от гонореи, в просторечии – триппера уже у себя в Тбилиси, проклиная свой прыткий характер.

– Ты меня любишь? – часто приставала официантка до предполагаемого совокупления, пока не попала в руки грузина.

– Ну, – он старался быть честным. – Дай-ка подумать...

– У-у, противный, – кокетничала она по-официантски.

Сколько помнил себя Гасанов, родные и близкие постоянно упрекали его в том, что он лишен целеустремленности и честолюбия. Может, он просто не знал, куда и зачем стремиться? Вообще-то, торопиться не любил, и это главное его качество, на котором основывались добротность и завершенность тех дел, за которые брался и, медленно поспешая, доводил до конца. Люди, плохо его знавшие, могли бы обвинить его в медлительности, но это была только видимость, оболочка. Изнутри он кипел энергией. Он еще хотел нравиться женщинам, хотя вполне критически, вполне реалистично относился к своему отражению в зеркале: стремительно разрастающаяся плешь на голове, интенсивные навывкате глаза, пронзительный взгляд которых делал его похожим на душевнобольного, распушенный, как у паяца, толстогубый рот и, конечно, нос, нос, нос, один вид которого напоминал опытным самкам о его выдающихся мужских возможностях. Прибавьте к этому выступающий кадык, сутулость, словно извиняющуюся за высокий рост и худобу, узкие плечи, нежные, почти девичьи пальцы рук, никогда не знавших тяжелого физического труда, и вы получите портрет пожилого идиота. Тем не менее, пятьдесят – это еще не конец жизни, далеко не конец, учитывая бьющую через край энергию, любовь к жизни... и – хотелось, черт возьми, хотелось нравиться, чувствовать себя молодым.

Легкий и веселый, как воздушный шарик, шел в тот вечер Гасанов, стараясь не помнить о своих многочисленных болячках (кстати, в спокойные периоды жизни не очень-то дававших о себе знать), когда встретил ее. Она сидела одна за столиком летнего кафе, столик которого по каким-то причинам забыли убрать внутрь помещения, и курила. Два эти факта: что девушка в феврале сидит под открытым небом и на виду у всех курит (что по-прежнему, как и тридцать лет назад, было нехарактерно для этого города), не могли не привлечь внимания Гасанова. Кафе называлось «Айтен». Он вторично, уже внимательнее, окинул девушку взглядом и поразился – это была его одноклассница, в которую когда-то... впрочем, в кого только он ни влюблялся. Он подошел поближе и уже совсем невежливо уставился на девушку. Улочка была пустынна в этот вечерний час, амнистированные преступники, наевшись картошки, терпеливо ждали полного затемнения. Вообще не очень много было гуляющих в этот холодный вечер, но эта улица, на которую выходил фасад маленького кафе с девичьим именем, была как-то подчеркнута пустынна, как в фильмах знаменитого скандинавца. Заметив уставившегося на нее Гасанова, девушка кольнула его сердитым взглядом, смяла сигарету в пепельнице, что одна только и лежала на столе перед ней, запахнулась поплотнее в теплую шубку и, потрогав сумочку, совсем уж было собралась вставать, досадуя в душе, что этот козел не дал ей покурить, когда Гасанов вдруг поспешно заблеял.

– А-а... – начал он, но тут понял, что начисто забыл имя этой девушки, забыл даже фамилию. Он понимал, что в лучшем случае она могла оказаться дочерью его одноклассницы, и хотел начать с этого, но забыл, забыл имя. Досадно...

– Досадно, – сказал Гасанов.

– Не думайте, что я буду поддерживать разговор, – равнодушно произнесла девушка и поднялась из-за столика, с сожалением глядя на большой окурок, смятый из-за этого старого уличного ловеласа.

– Я и не думаю, – честно отозвался он. – Вы мне напомнили мою одноклассницу, я подумал: может, вы – ее дочь?

– Как имя? – спросила девушка, вопреки своему только что данному обещанию.

– Имя я забыл, – с досадой произнес Гасанов. – Честно. Не думайте, что я хотел чего...

Девушка внимательно поглядела на него.

– А вы не хотели чего? – спросила она насмешливо.

– Нет, нет, как можно, – засуетился Гасанов, чувствуя, что не то говорит. – Я же вам в отцы гожусь... Вам сколько лет?

– Неважно, – сказала девушка. – Я давно замужем.

– И я тоже... – почему-то сказал он. – Женат.

Девушка уже давно торопливо шагала по улице, а Гасанов, еле поспевая за ней, хотя и был хороший ходок, шел справа, чуточку отставая, стараясь все-таки во время этого спринтерского забега завязать дружеские отношения – очень уж славное лицо было у этой девушки...

Когда он сказал, что женат, она вдруг мельком, через плечо бросила на него взгляд.

– Неужели? – сказала она. – До сих пор?

– Что значит – до сих пор? – несколько оторопел он.

– Я хотела сказать: до сих пор жена еще с вами?

– Ну да... А с кем ей быть? Теперь на нее любители вряд ли найдутся.

– А что такое? – живо заинтересовалась девушка. – Тоже неважно выглядит?

Гасанов смутился.

– Лет уже немало... – сказал он неохотно. – А я что, неважно выгляжу? – спросил он и сразу вспомнил о своей грыже, аденоме, плешивой голове.

– Я лучше промолчу, – сказала она. – Вы еще долго намерены догонять меня?

Гасанов невольно приостановился после этих ее слов, и дистанция между ними моментально увеличилась.

– Нет, – сказал он в ее удаляющуюся спину. – Не намерен, – повернулся и пошел назад.

Несколько дней после этой встречи он ловил себя на том, что, оказавшись близ той улочки с кафе, специально проходил по ней, хотя потом следовало сделать крюк, чтобы дойти до работы. Но ни ожидаемого столика на тротуаре перед кафе, ни тем более девушки там не было; хорошо еще, что само кафе было, думал он, при таких стремительных изменениях в облике нашего города, на его месте вполне мог бы оказаться, скажем, платный туалет. И, слава Богу, слава Богу, – застучало в голове бессмысленно и назойливо, – и Богу слава.

Но вопреки его надежде, что он ее никогда больше не увидит, он встретил ее совершенно неожиданно на одной из центральных улиц, когда направлялся в Союз журналистов за какими-то своими очередными копеечными делишками. Она выходила из дорогого, последнего выпуска «Ауди», причем, вставала из-за руля. Он был в двух шагах от нее и, увидев ее, стал, как вкопанный. Она обратила внимание на охвативший его столбняк, но, кажется, не узнала.

– Это ваша машина? – наивно спросил он, словно продолжая прерванный разговор. – Здорово!

Она посмотрела на него внимательнее, сказала:

– А! Я узнала вас. Вы по-прежнему пристааете к незнакомым девушкам на улице?

Он тоже хотел что-то сосречь в ответ и уже открыл было рот, когда в ее сумочке неожиданно забулькало. Она открыла сумочку, извлекла из нее нетерпеливо надрывавшийся телефон и с места в карьер стала строго выговаривать в трубку, кому-то шею мылила:

– Я ведь предупреждала! Это не твое дело! Предоставьте это мне решать. Когда мне понадобится совет кретина, я обращусь к тебе. Оставь меня в покое, ты и так все обосрал, дальше некуда!

Во время этого сердитого монолога Гасанов, чувствуя себя неуютно, как подросток, оказавшийся без штанов на чужих именинах, переминался с ноги на ногу, и ему все казалось, что, кончив говорить по телефону, она гаркнет ему:

– А тебе чего надо?!

Однако, щелкнув крышкой телефона, она мгновенно остыла, спокойно положила его в сумку и спокойно посмотрела на Гасанова.

– Выследили? – спросила она без улыбки.

– Ну что вы? – искренне возмутился он. – Совершенно слу...

Тут снова зазвонил телефон, перебив излияния Гасанова, она посмотрела на номер, появившийся на экранчике, и отключила, не стала разговаривать. Ему почему-то сделалось приятно, хоть и понимал, что крайне глупо, не из-за него же в конце концов... Нет, нет, именно из-за вас, а как же, вы такой приятный собеседник...

– Приглядите за машиной, я скоро, – сказала она и застучала каблукочками, стремительно, как в дурном сне, отдаляясь от Гасанова. – Не мойте ее ни в коем случае, – обернулась она, чтобы окончательно его уничтожить, – просто приглядите.

– Что?! – запоздало возмутился он хамской шутке. – За машиной?..

И рассерженный, еще не научившись менять настроение соответственно обстановке, он вошел, куда хотел. Надо было рекомендовать одного молодого журналиста в Союз, но сделал это Гасанов так сердито, будто ему уже не раз отказывали. Председатель Союза удивленно посмотрел на него.

– Что ты кипятишься? – спросил он миролюбиво. – Примем твоего протеже. Пусть собирает документы. Отчего не принять? Сейчас у нас в городе каждый второй – журналист, а каждый третий – писатель...

Когда Гасанов выходил из Союза, немного остывший после теплого, сердечного разговора с председателем, она стояла возле своей машины, курила и смотрела, как он выходит из дверей с вывеской рядом на стене.

– Значит, вы так присматривали за машиной? – пожурела она его.

– Шуточки у вас, – хмуро отозвался Гасанов и хотел пройти мимо, обиженный.

– Садитесь, – она придержала его за рукав и, заметив, что он, машинально подчинившись ее безапелляционному тону, собирается почему-то сесть со стороны руля, прибавила. – Нет, нет, поведу все-таки я.

Он еще больше растерялся и от растерянности стал вдруг спорить, хотя ее приглашение очень ему понравилось.

– А почему, собственно, я должен сесть? И куда мы поедем? Я хотел бы заранее?.. – начал он, но она перебила его.

– Не будьте занудой, – сказала она, и это подействовало, Гасанову на самом деле не хотелось в ее глазах выглядеть занудой.

Он сел и даже хотел, как законопослушный гражданин, пристегнуть ремень безопасности.

– Оставьте, – сказала она и с визгом тронула машину с места.

Гасанов так залюбовался ее красивыми, сноровистыми движениями, ее смелым, порой на грани безрассудства, вождением, что совсем забыл следить за дорогой. И впрямь, она была жутко хороша за рулем машины, именно – жутко, потому что временами сердце Гасанова, склонное в последнее время к неизвестной дотоле тахикардии, и без того гулко стучавшее у горла, с той минуты, как он вновь встретил эту девушку, и особенно сейчас, когда он рассматривал ее профиль, сердце его обливалось горячей, радостной волной, как у юноши при мысли о предстоящей встрече со своей возлюбленной. И жутко, и радостно – помните? Так теперь было и у Гасанова, теперь, когда ему уже минуло полета, так и у него было, как у вас в юности.

Но рано или поздно все кончается, и они благополучно приехали на место, хотя при такой езде этого вполне могло бы не произойти. Но приехали, приехали, и Гасанов со своим сильно бьющимся сердцем, оторвав, наконец, от нее взгляд, оглянулся и... ничего хорошего не увидел. Зброшенный пустырь. Машина стояла на этом пустыре, возле большого мрачного строения,

смахивающего на ангар или склад боеприпасов. Гасанов машинально потянулся к карману, где лежали блокнот и ручка, уже интуитивно, как гончая – охоту, почуяв журналистскую поживу, хотя ничего еще не произошло.

– Выходите, – сказала девушка.

– А что здесь такое? Это склад? Какой это район? А что в амбаре? – профессионально стал забрасывать ее Гасанов вопросами, еле сдерживаясь, чтобы не достать блокнот и не показаться смешным.

Девушка, ничего не отвечая, шла впереди. Гасанов еле поспевал за нею. Она уверенно вошла в, как назвал его Гасанов, амбар (и, как выяснилось, – оказался прав), он – вслед за ней. Изнутри амбар был ненамного краше, чем снаружи – груды картонных ящиков, валяющихся на земляном полу, бутылки и банки из – под пива и колы, разный мусор и хлам. Гасанов инспектировал все это острым взглядом газетчика.

– Ну и что нам тут делать? – спросил он. Девушка ответила не сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.